DOI: 10.15593/perm.kipf/2020.4.07

УДК 323.28

ВОЙНА, БОЛЕЗНЬ И ЭСТЕЗИС

О.С. Мышкин

Пермский край, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 10 сентября 2020 г.
Принята: 05 ноября 2020 г.
Опубликована: 19 января 2021 г.

Ключевые слова:

критическая установка, *naïveté*, локальность, инструмент-анализ, *Taqiyya*, гиперкамуфляж, «Суховершинность», заражение, политическое тело, нечеловеческие агентности.

АННОТАЦИЯ

Принимая в качестве базовой установки наивность в противовес критической установке Нового времени, в настоящей статье мы стремимся описать изменения, которые вынужденно претерпевает человеческий опыт, подвергающийся воздействию гибридных (в Латуровом значении этого термина) и не-человеческих агентностей. Привлекая союзников в лице Ж. Делёза, представителей так называемой объектно ориентированной онтологии, а также С. Шавиро и А.Н. Уайтхеда, мы сопоставляем классический образ войны Нового времени с новым видом конфликта, сформировавшимся в течение последних десятилетий, в аспекте пространства-времени. В качестве этого нового вида конфликта выступает террористическая активность, руководствующаяся доктриной *Taqiyya*, или стратегической (дис)симуляции, описанной Резой Негарестани в статье «Милитаризация мира: отсутствие террора или террор отсутствия?». Причиной такого выбора предметов сравнения является тот факт, что, как показывает Негарестани, эта новая волна терроризма разрушает установленные современным пространственно-временными рамки войны, распространяясь подобно вирусу и действуя по принципу «снизу-вверх». «Суховершинный» террор доктрины *Taqiyya* потенциально является наиболее успешным и, следовательно, опасным – поскольку он активно эксплуатирует «биологическую» аналогию общества и дерева, интериоризируясь в структуру политического тела и вызывая избыточную аллергическую аутоиммунную реакцию с его стороны, разрушающую политическое тело изнутри. В этом смысле логика его развертывания практически повторяет на макроуровне общества логику распространения вируса на микроуровне тела индивида, как это описывается Юджином Такером в эссе «*Nosos, potos и bios*». Перед лицом этих угроз определение пространственно-временных рамок функционирования террора и вирусного заражения оказывается необходимым условием выживания. В свою очередь, такое определение требует пересмотра современной концепции пространства-времени с ее представлениями о принципиальной локализуемости актуальных сущностей, о линейности/дискретности времени и об отношениях внутреннего/внешнего. Иными словами, в первую очередь оно требует пересмотра нашей концепции эстетизма.

© ПНИПУ

© Мышкин Олег Степанович – независимый исследователь,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6850-3929>, e-mail: olegmyshkin@mail.ru.

© Oleg S. Myshkin – Independent Researcher,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6850-3929>, e-mail: olegmyshkin@mail.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

WAR, DISEASE AND AESTHESIS

Oleg S. Myshkin

Perm Krai, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 10 September 2020

Accepted: 05 November 2020

Published: 19 January 2021

Keywords:

-oriented ontologies, naiveté, Negarestani, terrorism, war, Modernity, space-time, locality, aesthetics.

ABSTRACT

Instead of a critical attitude of Modernity this article establishes naivety as a means to describe transformations that human experience is forced to undergo being affected by hybrid (in Latour's terms) and nonhuman agencies. To compare the image of the modern war with a new type of conflict that has developed over the past decades in terms of space-time it attracts allies such as Gilles Deleuze, object-oriented ontologists, S. Shaviro and Alfred Whitehead. The new type of conflict in question is the terrorist activity guided by the doctrine of *Taqiyya*, or strategic (dis)simulation, described by Reza Negarestani in his essay *The Militarization of Peace: Absence of Terror or Terror of Absence?* The reason for this choice of objects for comparison is the fact that this new wave of terrorism decomposes the space-time framework of war established by Modernity proliferating like a virus and functioning according to the "bottom up" principle. That's why it is potentially the most successful – and therefore dangerous – for it actively exploits the "biological" analogy of society and the tree internalizing itself into the structure of the political body and causing an excessive allergic autoimmune reaction on its part and then destroying the political body from the inside. In this respect the logic of its unfolding repeats at the macro-level of society the logic of spreading the virus at the micro-level of the individual's body, as described by Eugene Tucker in the essay *Nosos, nomos, and bios*. In the face of these threats, definition of the spatial and temporal framework for the functioning of terror and viral infection becomes a necessary condition for survival. Such a definition, in turn, requires a revision of the modern concept of space-time with its notions of the fundamental locality of actual entities, the linearity/discreteness of time and the relations of internal/external. In other words, it requires a revision of our concept of aesthetics.

© PNRPU

Naiveté и зумирование

Критика современного корреляционизма, составлявшая ядро претензий новых онтологий к модернистским и постмодернистским философиям и игравшая, как пишет Грэм Харман [1], роль их общего начала, частично утратила смысл. Не потому, что она стала неверной (даже если в определенной части она и была таковой). Причина утраты ею актуальности, как бы громко это ни звучало, лежит в изменении характера самой реальности – или по крайней мере той ее части, которая так или иначе соприкасается с людьми. Онтологический поворот, о котором – кто с наивным восторгом, кто с насмешливой брезгливостью – говорили и спорили с начала нулевых, по-видимому, перестал нуждаться в дальнейших доказательствах. Он стал очевиден не только в узком профессиональном значении изменения основной сферы приложения интеллектуальных усилий философов (от гносеологии к онтологии) или доминирующего вектора развития философии как частного вида человеческой деятельности, но в значении гораздо более *общем* (то есть буквально *общем* для всех людей) – в значении необходимой и вынужденной перемены доминирующего способа отношения людей к реальности. Даже не соглашаясь с концептуальной стороной аргументации Тимоти Мортон, можно лишь умышленно не заметить, что в его идее о повсеместно проникшем лицемерии как одной из – наряду со слабостью и ущербностью – главных характеристик нашего времени [2, с. 12] есть изрядная доля правды. Кому-то может казаться, что можно и дальше продолжать спорить о доступе [к реальности] и не/обходимости – с какой стороны от кривой черты быть, выбирайте на свой вкус, теперь это уже не столь важно! – корреляции [3, с. 11], плодя, как пишет Мортон, дискурсы и нарративы «мета-» [2, с. 13, 14]. Но какой бы позиции вы ни придерживались, увы, вы всего лишь лицемерно тешите себя иллюзией существова-

ния незыблемой дистанции между собой и реальностью, которой «в действительности» уже нет, если она вообще когда-либо существовала.

Движение зума меняет масштаб: там, где, как казалось, было два – субъект/объект, человек/мир, феномен/ноумен etc., – как выясняется, есть только одно: субъектобъект, человек-мир, феноменноумен и т.д. А косая черта? – спросите вы. Она – графическое обозначение этой дистанции, зазора, само существование которого отнюдь не лишено своей исторической обусловленности, более или менее конкретной точки начала во времени и привязки к определенной географической территории (Европа конца Средневековья – начала Нового времени). Если Кант, как принято думать, окончательно закрепил эту дистанцию с введением своей *критической* установки [4, с. 25 и далее; 5], то «*наивная*» установка, от которой он отталкивался, отнюдь не была установкой *naïveté* в полном смысле этого слова – это была «наивная» установка *модерного* человека, уже содержащаяся в его сознании в форме определенной априорной структуры. Как пишет, цитируя А. Н. Уайтхеда, Стивен Шавиро, «трансцендентальные предпосылки опыта сами должны возникать (имманентно, контингентно и исторически) изнутри опыта». «Даже основные „формы созерцания“ Канта, – говорит Уайтхед, – должны выводиться из актуального мира *qua datum* [как данности – лат.], и они не „чисты“ в том смысле, каким этот термин наделял Кант» (Whitehead 1929/1978, 72). В соответствии с данным требованием трансцендентальные предпосылки опыта должны быть процессами, а не неподвижными логическими категориями [6, с. 71].

Наивность отнюдь не наивна в смысле тривиальности или простоты. В определенном смысле наивность, в противовес критицизму, является более базовой и глубокой структурой опыта. «В глубине души все мы наивны. Все мы зависим от еды, от правильного функционирования наших клеток и органов...» ([7]. – *Пер. авт.*). Возможно, возвращение к наивности как базовой установке мышления далеко не так наивно, как предпочитают думать – или *лицемерно* (в мортоновском значении этого слова) демонстрируют, что предпочитают так думать, – сторонники критического подхода. Как пишет в своем блоге Грэм Харман, «некоторым образом зародилось мнение, что Просвещение означает искоренение наивной веры. В лучшем случае это полуправда. Идите и радуйтесь тому, что средневековые суеверия испарились. Но не забывайте при этом о подлинно странных (*truly bizarre*) вещах, в которые мы верим сегодня: о двойной спирали ДНК как носителе наследственности, длительной морской родословной людей, кварках и электронах, черных дырах, дрейфующих континентальных плитах, затерянных в песках древних империях и космических лучах, разрушающих протоны [в вашем теле] 2–3 раза в течение жизни. <...> Проще говоря, моя цель – стать как можно наивнее. И, насколько я понимаю, это всегда было целью человеческого разума. Критика – это всего лишь временная мера, призванная отбить охоту верить в то, во что на самом деле верить нельзя» ([7]. – *Пер. авт.*).

Харман повторяет здесь свою мысль, более обстоятельно изложенную им несколькими годами ранее в «Четверояком объекте»: «Вместо того чтобы начинать с радикального сомнения, мы предпочтем в качестве отправного пункта наивность. Что объединяет философию с жизнью ученых, банкиров и животных – так это то, что они имеют отношение к объектам. <...> Моя точка зрения состоит не в том, что все объекты в равной мере реальны, а в том, что они все в равной мере *объекты* [8, с. 16].

Наивность как базовая философская установка не является изобретением объектно ориентированных онтологов. Как пишет Эдвард Уиллет, «по-видимому, *naïveté* составляет часть метода «объектно ориентированной философии». Это можно сравнить с методологическим интересом Делёза к *naïveté*. Философия различия призывала к *naïveté* по той причине, что различие

рассматривалось в ней как реальное, а не как структурное, текстуальное или лингвистическое различие, *откладывающее* (*defers*) или *скрывающее* (*masks*) какое бы то ни было непосредственное схватывание реального. Дифференциальные идеи реализуются в ощущении, через его интенсивные аспекты, а это требует от нас того, чтобы мы были наивны, когда сталкиваемся с различиями в опыте. Значение различия в том, чтобы давать описание опыта (трансцендентальный эмпиризм) через свое непосредственное воплощение в ощущении. В «Анти-Эдипе» Делёз и Гваттари пишут о системе срезов и прерываний в потоках желания. Язык потоков и срезов используется здесь для того, чтобы призвать к *naïveté*, поскольку эти потоки материальны. Мы захвачены потоками в основном материальных вещей, мы участвуем (*participate*) в потоках, которые дают нам шанс на бегство и ускользание» ([9]. – *Пер. авт.*).

Более того, сегодня наивность может быть более продуктивной установкой для философии, нежели критицизм, – и, кажется, остается последней работающей установкой. Движение зума, о котором говорилось выше, становится возможным отнюдь не случайно и в строго определенный момент. Его *sine qua non* – воздействие или скорее серия воздействий на опыт, производимых самой реальностью, таких, что они позволяют и, более того, требуют от нас изменить перспективу и масштаб нашего видения. Спектр таких воздействий весьма обширен, поэтому в рамках данной статьи мы ограничимся рассмотрением лишь двух-трех примеров из их числа. Во всяком случае, общим для них является то, что они:

1) представляют значительную трудность для схватывания их в рамках привычных априорных структур опыта и, возможно, вообще не поддаются такому схватыванию, а следовательно, исчерпывающему определению и прогнозированию;

2) как пишет Мортон, имеют характер настоятельного требования, или императива, обращенного к людям, и поэтому требуют от нас не только теоретического описания, но и немедленной практической реакции [2, с. 89].

С врагом нельзя справиться, не видя, не слыша и не осязая его. В случае описываемых нами воздействий ситуация еще сложнее: располагаясь в зазоре человеческое/нечеловеческое в склизкой амебообразной не-форме *не-человеческого* (собственно *нечеловеческого* внутри нас) в одних случаях, будучи *продуктом* (и тем самым вовлекая в дело и усложняя производство в Марксовом понимании этого термина [10]) нашей деятельности – в других, и не завися от нас непосредственно в своей активности, производящие их странные (*wierd*) агентности, *в первую очередь* требуют от нас пересмотра нашего определения эстетиза, как будет показано далее.

Две непохожих войны

1. Модерные войны

Вместо метода. Если бы потребовалось определить целое, мы определяли бы его через Отношение. И объясняется это тем, что отношение не является свойством объектов; оно всегда экстерно собственным членам. К тому же оно неотделимо от Открытого и связано с духовным или ментальным существованием. Отношения принадлежат не объектам, а целому, если только не совпадают с закрытым множеством объектов. Благодаря движению в пространстве объекты из того или иного множества изменяют соответствующие позиции. Но через отношения преобразуется или изменяет свои качества целое. И о той же длительности или о времени мы можем сказать, что они являются целым для отношений [11, с. 50].

В 1964 году на экраны вышел фильм «Зулусы» режиссера Сая Эндфилда, повествующий о сражении между небольшим отрядом английских колониальных войск численностью 94 чело-

века с четырехтысячной армией зулусов 22 января 1879 года в местечке Роркс-Дрифт¹. Ценность этого фильма для настоящей статьи заключается в том, что, по нашему мнению, он может служить хорошей иллюстрацией образа современной войны, войны в ее классическом измерении. Не претендуя на исчерпывающий эстетический анализ этого фильма в делёзианской манере, мы тем не менее вводим его в статью для того, чтобы с его помощью попытаться сделать наглядными некоторые важные характеристики современных войн с целью сопоставить их с соответствующими характеристиками войн не-модерных. Такое сравнение, в свою очередь, позволит определить сложности, связанные с особым пространством-временем современных войн.

а) Поскольку все события – как в фильме, так и в изображаемой им реальности – происходят на компактной территории одной фермы, это позволило Эндфилду создать высокую концентрацию аффекта за счет вынужденного уменьшения масштаба всего действия как целого. События фильма *локальны*, и, возможно, отчасти именно благодаря этому они столь интенсивно, насколько мы можем судить, отображают реальную структуру отношений внутри события войны в его классическом, модерном, варианте. Они происходят в конкретном, четко определенном и обозримом *месте* – на поле боя. Последнее не обязательно занимает настолько малое географическое пространство, как в случае сражения у Роркс-Дрифт – в действительности сражения могут разворачиваться на огромных территориях (в ходе Второй мировой войны поля сражений будут покрывать огромные площади земного шара, однако сражение у Роркс-Дрифт весьма показательно именно из-за своей «компактности»). Здесь важна не затронутая событием площадь земли, а то, что при должном усилии оно в принципе поддается простой локализации. Линия фронта, наличие тылов, флангов, тонкой прослойки так называемой «ничейной земли» – все это зримо расчерчивает пространство сражения, тем самым задавая картографию войны, буквально распределяя *места-действия* ее агентов. (Именно поэтому если не решающую, то весьма значительную роль для успеха боевых действий той или иной стороны играло наличие подробных и современных карт. Например, стоит вспомнить, что одной из причин ряда поражений Красной армии в ходе Зимней войны 1939 года стало то, что командиры советских соединений вступили в бой с картами Финляндии, созданными еще в царское время.) Как мимоходом замечает Реза Негарестани, это свойство современной войны можно сравнить с классическим устройством современного театра с его четко расчерченными пространствами сцены и зрительного зала, разгороженных колышущимся занавесом, балконов, проходов между рядами и т.д. Впоследствии война будет утрачивать эти свойства. Следовательно, можно сказать, что *отношения современной войны локальны. Повторим, речь идет не об актуальной вовлеченности в нее тех или иных географических территорий, но о сущностной характеристике: какую площадь ни охватывали бы боевые действия, принципиальная возможность их картографирования и есть то, что придает характер локальности современной войне как целому.*

б) Кульминационный момент в фильме наступает на 124-й минуте, когда горстка пехотинцев под командованием двух лейтенантов выстраивается в три шеренги для проведения сложного тактического действия, требующего изрядной выучки, – трехкратного залпа, при котором первая шеренга производит выстрел и встает на колено для перезарядки, во время которой стреляет вторая шеренга, в свою очередь встающая на колено в то время, когда стреляет третья. И так по кругу, так что выстрелы раздаются непрерывно. Этот сложный маневр, будучи проведенным должным образом, производит впечатление *возвышенного* – по крайней мере в фильме. Волны зулусских воинов с криком накатывают на «горстку» британцев, они –

¹ Подробнее об этом событии см., например: Трещёв В. Долгая ночь на Роркс-Дрифт [Электронный ресурс]. – URL: <https://warspot.ru/13855-dolgaya-noch-na-rorks-drift> (дата обращения: 29.10.2020).

сама стихия «дикий» Африки, пытающаяся уничтожить противостоящих им европейцев, однако последние, несмотря на свою малочисленность, не горстка, не «закрытое множество объектов» по Делёзу, но строй, космос, живое воплощение современной конституции. Отношение солдат внутри современного строя «всегда экстерно собственным членам»; оно принадлежит не им как «закрытому множеству объектов», но строю как целому, задающему порядок их действий. Они – точки, иерархически выстроенные в линию. Время этого эпизода – время последовательности дискретных действий: выстрел–перезарядка–выстрел и так далее, длящихся, пока не исчезнет цель; это время точного алгоритма, благодаря которому и стал возможен модерн. *Время современной войны есть время линейности, подчиняющей и включающей в себя дискретность, что придает характер линейности/дискретности ей как целому.*

в) «Это чудо!» – восклицает изможденный сержант Борн, когда зулусы, потеряв сотни воинов в самоубийственной атаке, наконец отступают. «Нет, это винтовка Мартини-Генри», – спокойно и со знанием дела отвечает ему инженер-лейтенант Чард. И у него есть на то основания. Винтовка Мартини-Генри, принятая на вооружение армии Великобритании в 1871 году, являла собой один из лучших образцов стрелкового оружия, существовавших в то время. Разумеется, этот технический артефакт не может идти ни в какое сравнение с немецкими пулеметами Второй мировой, благодаря которым стал возможен новый способ организации боевых действий, когда подразделение, вооруженное не автоматическим стрелковым оружием – винтовками и карабинами (по сути, не столь далекими потомками и родственниками той же винтовки Мартини-Генри), выстраивалось вокруг пулемета, и тем более с автоматом Калашникова, массовый ввоз которого в ту же Африку стал одной из причин многочисленных переделов в политической, социальной и экологической сферах. Чтобы утверждать это, мы вынуждены отойти от делёзианской, реляционистской по своей сути, перспективы и обратить внимание на объекты как таковые, сначала – на объекты как они рассматриваются в инструментальном анализе Хармана. Дело в том, что, попытавшись вписать винтовку Мартини-Генри как образец *техники* Нового времени в приведенную выше Делёзову схему отношений и целого, мы совершили бы ошибку, которую Харман называет «надрывом». «Отрицающие то обстоятельство, что объекты являются структурным элементом философии <...> могут утверждать, будто сами объекты – это бесполезное измышление по сравнению с их более очевидными качествами или отношениями, так что объект оказывается «надорван» (*overmined*) [8, с. 17].

То что Эндфилд как режиссер обращает такое внимание на винтовку Мартини-Генри (как устами персонажей фильма, так и посредством видеоряда), отнюдь не случайно, поскольку как в фильме, так и в реальном сражении она является полноправным *единым* объектом, актантом, или, как говорит Харман, *dramatis personae*, самостоятельно действующей в нашем опыте. Пока что, следуя принятой нами установке *naïveté*, мы намеренно оставляем в стороне спор о том, исчерпывается ли объект этим воздействием (и вообще своими отношениями с другими сущностями в опыте), как это происходит у Латура и Уайтхеда, или же, изымаясь из доступа, он сохраняет некий остаток, несводимый к какой бы то ни было опытной данности, как это происходит, например, у Хармана и Брайанта. Другими словами, мы пока что оставляем в стороне вопрос о субстанциальности объекта, в данном случае – технического артефакта под названием «винтовка Мартини-Генри». Во всяком случае, нельзя отрицать, что «даже если “вещь в себе” непостижима или непознаваема, тем не менее она определенным способом аффицирует нас. И путем передачи и выражения “способа, каким на нас оказывается воздействие”, пространство и время устанавливают имманентные некогнитивные отношения между объектами, между объектом и субъектом и между субъектом и им же самим. Такие аффективные связи присущи протеканию любого опыта в пространстве и времени» [6, с. 75].

Если мы будем понимать событие сражения – и, шире, войны – в Уайтхедовом «общем значении связи актуальных происшествий, взаимосоотнесенных неким определенным способом в одном экстенсивном кванте» [6, с. 36; 12, с. 73], то можно заключить, что, обладая собственным уникальным способом воздействия на опыт (причем воздействия разностороннего: порой психологический эффект от применения того или иного оружия оказывается намного более значительным, чем эффект от его непосредственного воздействия), те или иные образцы вооружения вносят свой вклад в манеру боя. Отношения и в самом деле, как правило, принадлежат не объектам, а целому. Однако, по-видимому, мы должны допустить некоторые исключения из этого правила, по крайней мере если речь идет не о кино. Одни образцы вооружений оказываются более *эффективными* (как в эмпирическом смысле боевой эффективности, так и в онтологическом смысле значимости производимых ими изменений в отношениях войны как целого), чем другие. И если в ретроспективе, с позиции послезнания, этот вывод в каждом отдельном случае кажется очевидным, то предсказать заранее, какие способы воздействия приведут к переменам в структуре отношений целого, далеко не так просто. Кто в 1871-м смог бы угадать в грохоте трехлинейного залпа непрерывный стрекот пулемета? Кто смог бы представить, что через какие-то несколько десятилетий армады огромных летающих машин будут стирать с лица земли целые города, попутно порождая огненные смерчи, и останавливать наступления армий других, не менее грозных, машин – танков? А как насчет атомной бомбы?

Да, сержант Борн, в некотором смысле техника – это чудо, хотя зачастую и устрашающее. Не случайно Хайдеггер был так озабочен вопросом о технике – не только на закате жизни, когда его мысли занимал *Gestell*, но и в начальный период своего творчества, когда в 15-м разделе «Бытия и времени» он впервые обратился к инструмент-анализу в печатном слове. Первоначально именно *техника* явилась тем регионом сущего, благодаря анализу которого Хайдеггеру удалось описать устройство изъятия и тем самым создать условия для шага в сторону некорреляционистского понимания реальности, сделанного современными онтологиями. Обращаясь к онтологическому статусу техники вслед за Хайдеггером и Харманом, мы отмечаем, что ее воздействие стало первым замеченным и философски отрефлексированным вмешательством нечеловеческого в наш опыт.

«Вместо того чтобы думать, будто дополняющая сознание реальность основывается на том, что является сознанию, мы должны примкнуть к Хайдеггеру в его заключении об обратном, заодно согласившись, что то, что изымает себя из сознания – это не комья объективной физической материи. Напротив, мир в себе сделан из реальностей, изымающих себя из всякой сознательной доступности» [8, с. 47].

Техника представляет собой одну из таких реальностей, одновременно изымающихся из доступа сознания и устанавливающих посредством своего воздействия на него новые «имманентные некогнитивные отношения между объектами, между объектом и субъектом и между субъектом и им же самим». Обсуждая воздействие на человеческий опыт, которое произвел взрыв атомной бомбы в Хиросиме, Мортон пишет в «Гиперобъектах»: «В эпоху антропоцена реальность – это становление более очевидным и «нереальным», призрачным. Нет мира, нет Природы, не-люди роятся в человеческом пространстве, зловеще ухмыляясь, как лица с полотен Джеймса Энсора или лица танцоров буто. Различие между лицом и маской (по-гречески *гросброн*) коллапсирует. Когда нет присутствия, привычные, онтически заданные, координаты осмысленности исчезают. Эта нередуцируемая нереальность является симптомом реальности как таковой...» [2, с. 242].

От скромной винтовки Мартини-Генри до атомной бомбы – все это технические артефакты, каждый из которых в меньшей или большей степени меняет отношения внутри события войны. Хотя эти изменения не всегда были столь разительны и ужасающи, как это было в случае последней, они всегда выражали вмешательство нечеловеческого, требующее от нас пересмотра наших способов видения и ведения войны. В итоге можно заключить, что *модерная война – это война не только людей, но и нечеловеческих агентностей, первое место среди которых занимает техника.*

2. Новые войны

Выявив некоторые важные характеристики «классической» современной войны, в этом подразделе мы попытаемся выявить особенности, присущие абсолютно новому виду войн, с опорой на положения, изложенные Резой Негарестани в статье «Милитаризация мира: отсутствие террора или террор отсутствия?», написанной в период активного обсуждения сущности и стратегий мирового терроризма на фоне событий 11 сентября 2001 года. Необходимо сразу отметить, что речь идет не об исторической преемственности двух видов войны, как если бы один вид сменялся другим: современные вооруженные конфликты по-прежнему по большей части сохраняют современный характер. Наиболее часто отмечаемое внедрение в эту сферу современных технологий, таких как дроны, спутниковые системы защиты и гиперзвуковые ракеты, функционирование которых обеспечивается с помощью компьютерных технологий и так называемого «искусственного интеллекта», по нашему мнению, демонстрирует скорее продолжение и развитие старой, нововременной тенденции, нежели появление чего-то принципиально нового, поскольку все это не затрагивает коренным образом сущностных свойств войны. Тем не менее в последние десятилетия обрел место такой вид конфликтов, который ставит под сомнение эти привычные сущностные свойства войны и, что наиболее важно с точки зрения онтологии, демонстрирует тенденцию, согласно которой радикальные изменения претерпевает ее пространство-время. «Новые» войны, в частности войны террористические (конкретный смысл, в котором это определение применяется здесь, будет прояснен далее), ведутся наравне со старыми, в одно и то же время, иногда – на одной и той же территории, и все же, в отличие от последних, они требуют от нас решительного пересмотра нашего способа видения и ведения войны и выработки новых механизмов ее концептуального схватывания. В свою очередь, эти механизмы могут оказаться полезными для понимания регионов сущего, на первый взгляд непосредственно не связанных с вооруженными конфликтами.

а) Пространство-время террора. Если для современной войны, как отмечалось выше, характерно особое пространство-время, отличающееся от пространства-времени мира, то для «новой волны терроризма» характерно размытие самих границ между миром и войной, определяемое Негарестани как *эндоимитаризация* мира: «В то время как милитаризация перестает быть процессом, свойственным исключительно военному времени, и распространяться только на поле боя, даже мир, этот временный промежуток, пространство, свободное от противоречия между машинами войны и коллективным выживанием, может подвергнуться милитаризации. Последнее не означает, что мир используется в качестве временной приостановки, которая *может* эксплуатироваться, или же в качестве хранилища при подготовке к процессу милитаризации грядущих войн (*кто* собирает большие силы, когда другие отдыхают?). Напротив, что гораздо более существенно, это подразумевает эндоимитаризацию самого мира, при которой мир непосредственно используется в качестве оружия, подобно новому самолету эксплуатируется для вторжения и повстанческих действий, а также для наступательных ударов по базам врага и/или по его коммуникациям» ([13, с. 54]. – *Пер. авт.*).

Война перестает укладываться в привычные пространственно-временные рамки, выплывая за их пределы, наводняя собой все пространство человеческого существования и тем самым угрожая выживанию человечества. Как происходит этот процесс размывания границ? Согласно Негарестани, «способ ведения войны (применяемый некоторыми террористическими группировками) отличается тем, что его тактические линии не совпадают с планом боевых действий (и не конфигурируются в соответствии с ним) и зримого вооруженного противостояния (полем боя, местами действия партизан и уличных боев и т.д.). Его тактические линии не поддаются локализации, которая является необходимым условием прямого [вооруженного] конфликта и [размещения] воинских формирований. Последние [теперь] не занимают позиции для того, чтобы отрезать, блокировать или сменить друг друга в зависимости от различных устремлений, переориентировок и строевых порядков. Их операции имеют теперь лишь косвенное отношение к несовместимости, обеспечивающей базис и матрицу взаимодействия при вооруженном конфликте» ([13, с. 54–55]. – *Пер. авт.*).

Другими словами, в отличие от нововременных войн, предполагающих определенную пространственную диспозицию противников и очерчивающих обозримое и поддающееся картографированию «пространство войны», волны террора возникают как бы изнутри самого мира, пронизывая все пространство существования целиком. С одной стороны, можно сказать, что сегодня больше нет линии фронта, тылов, флангов, «ничейной земли», однако, с другой стороны, можно столь же уверенно утверждать и противоположное: линия фронта буквально пролегает теперь повсюду, разрезая пополам и перечеркивая нас самих – каждого из нас.

Согласно Негарестани, терроризм распространяется, используя состояние «гиперкамуфляжа». «Как теневой террорист, такфирист участвует в Белой войне, эндомилитаризации мира, в состоянии гиперкамуфляжа (наилучшим образом определяемого как полное и, следовательно, симметричное перекрытие двух сущностей в мереотопологическом плане). В такой войне прикрытие камуфляжа никогда не может быть пронизано или сорвано, и защитное применение камуфляжа (которое лучше всего картографируется как частичное перекрытие двух или более сущностей в логическом плане) заменяется совершенно новым, наиболее агрессивным наступлением, пространством гиперкамуфляжа» ([13, с. 55]. – *Пер. авт.*).

Развивая мысль Негарестани (несмотря на то, что он не обязательно согласился бы с таким толкованием), можно сказать, что приставка «гипер-» не просто указывает на наиболее совершенный камуфляж, как если бы речь шла о террористе, который, даже будучи полностью ассимилированным гражданским обществом, оставался бы врагом и чужаком, хотя и перенявшим все привычки и устои общества, в которое он был внедрен. Также суть и не в обратной реакции государства и общества, при которой, в частности, «правительство... само начинает фильтрацию, чистки и слежку за собственными гражданами, урезая их права и ограничивая их в зоне экономического, социального и политического карантина, чтобы изолировать или даже искоренить болезнь – вместе с ее потенциальными носителями» ([13, с. 62]. – *Пер. авт.*). В действительности сегодня проблема скрывается гораздо глубже: с Негарестани нельзя не согласиться в части описания механизмов диссимуляции и опустынивания, однако в то время как он определяет источники опустынивания, разрушающего общество изнутри, как преимущественно *человеческие* агентности, внешние по отношению к конкретному индивиду – злонамеренные террористические группировки, вынужденные реагировать на их действия правительства, военные и прочие контролирующие инстанции – настоящими и куда более действенными источниками опустынивания оказываются гораздо более странные агентности, изымающиеся в пространство неразличимости нашего собственного опыта. В отличие от пер-

вых, этим нечеловеческим агентностям чужда злонамеренность, как, собственно, и стремление к достижению каких-либо – будь то политических, военных, социальных или экономических – целей. Даже самый отъявленный террорист действует исходя из определенных религиозных, политических, экономических или других соображений. Какими бы бесчеловечными ни были его методы, они все равно первично ориентированы на *людей* и человеческие *общества*: даже если речь идет о так называемой «Машинерии суховершинности» – террористической доктрине, согласно которой первичной целью атак должны стать не структурообразующие элементы общества (его корень), а его внешние и, казалось бы, факультативные для целей выживания части, то есть простые граждане, уподобляемые листьям и верхним побегам дерева ([13, с. 64]. – *Пер. авт.*), – она все равно предполагает цель и направленность, хотя и в весьма извращенной форме. Другими словами, хотя применение этой доктрины и затрудняет прогнозирование и борьбу с терроризмом, оно не делает их полностью невозможными. Привлекая *людей* в качестве своей первичной мишени и основного средства, суховершинность по сути ограничивается *человекоразмерным* масштабом, хотя и стремится наиболее полно задействовать сущности, функционирующие в этом масштабе. В этом заключается одновременно ее слабость и сила: несмотря на то, что суховершинность вполне резонно предполагает действие по принципу снизу-вверх (*bottom up*), что, к сожалению, потенциально является залогом ее успеха, она, так сказать, располагает этот «низ» недостаточно низко – на уровне отдельных *человеческих индивидов*. Таким образом, доктрина суховершинности, во-первых, по большей части *остается в поле зрения современной пространственно-временной оптики* (хотя для противодействия ей и необходимо провести определенную перенастройку) и, во-вторых, по-прежнему предполагает значимую роль *человеческих субъектов* – пусть и в модусе их самоуничтожения. Это означает, что террор, о котором говорит Негарестани, во многом остается *террором человека*, то есть таким, который задумывается, направляется и осуществляется людьми и против людей. Но не скрывает ли приставка «гипер-» нечто гораздо большее, а именно нечеловеческие агентности, камуфляж которых наиболее совершенен по той причине, что он не является таковым, поскольку ассимиляция с людьми уже была успешно и до конца осуществлена ими давным-давно в процессе коэволюции с ними? Другими словами, можно ли ожидать, что если нам удастся изменить нашу оптику и взглянуть на то, что скрывается под гиперкамуфляжем, то мы, к своему удивлению, обнаружим не человеческого субъекта, а дремлющих не-людей, скрывающихся внутри каждого из нас и ожидающих удобного момента для своей террористической атаки?

б) *Высохшее дерево и политический труп.* Как уже упоминалось выше, террористическая доктрина суховершинности активно использует метафору дерева: «"Суховершинность" может быть применена ко всей "цивилизации точно так же, как к Дереву или к любому другому древовидному типу коллективности"». Для того чтобы довести Дерево до уничтожения, террорист-такфирист, стремясь выкорчевать его целиком, никогда не повреждает корни, поскольку это привело бы лишь к уничтожению стержневого корня, но боковые корни и отростки остались бы в почве, со временем проросли бы и дали начало множеству новых деревьев. Террорист, или экстремист-джихадист, применяет против дерева суховершинное отрицание. Точнее, он начинает уничтожать представляющие наименьшую ценность мельчайшие листья, растущие на верхушке дерева и на его ветвях, и продолжает свою работу с остальными листьями, не причиняя вреда основному стволу и корням. От уничтожения листьев сверху донизу и нанесения повреждений ветвям дерево высыхает. Будучи лишенным всех связей (*excommunicated and dejected*), дерево в конечном итоге полностью лишается жизнеспособно-

сти и запускает самопожирающую аллергическую сверхреакцию на искусственное разрушение, причиненное болезнью суховершинности. Такойя снабжает такфиристов широкими возможностями для использования этой машинерии суховершинности, которая начинает [свое действие] с листьев (гражданского населения или того, что они называют «расходным материалом») и ветвей (малых сообществ и т.д.), и в конце концов оставляет дерево иссыхать, не предпринимая никаких прямых атак против его главных органов» ([13, с. 65]. – *Пер. авт.*).

По сути, эта метафора представляет собой разновидность и дальнейшее развитие «биологической», или «медицинской», аналогии и, в частности, идеи «политического тела», намеки на которую можно обнаружить в Платоновом «Государстве» [14, с. 129–130, 219–220] и «Тимее» [15, с. 475–479]. В эссе «Nomos, nosos и bios» Юджин Такер определяет связь между биологией, политикой, войной и террором, двигаясь способом, во многом параллельным ходу мысли Негарестани. Применяя наработки Такера, можно с определенной долей уверенности утверждать, что суховершинное отмирание цивилизации становится возможным по той причине, что источник распада уже находится в самом политическом теле государства. «Прежде всего мы приходим к предположению, что в любом политическом порядке внутри политического тела присутствует угроза более значительная, чем любая внешняя опасность. Мы также предполагаем, что в соответствии с медицинской аналогией распад политического тела – это эпидемиологическая проблема, возможно даже аутоиммунная. <...> Политическое тело всегда определяется и даже конституируется своей потенцией к распаду» [16, с. 51–52].

Это означает, что, во-первых, триггером избыточной иммунной реакции не обязательно является проникновение внутрь общественного организма внешних, инородных ему элементов (хотя, разумеется, происходит и такое) и, во-вторых, что *внешние* угрозы могут быть не столь значительны, как угроза некрократии, проистекающая *изнутри* самого текущего политического порядка.

Не претендуя в рамках настоящей статьи на пересказ описываемой Такером комплексной структуры отношений между самой жизнью, политическим телом и суверенностью², мы соглашаемся с его выводом, согласно которому «болезнь – это образ социальной проблемы, но в форме эпидемии болезнь сама *становится проблемой*. Война дает оптику для метафоризации медицины и буквализации технологии биологического оружия и биотерроризма. Война и болезнь влияют друг на друга, заражают друг друга сразу на метафорическом, материальном и предметном (*artifactual*) уровне» [16, с. 57].

Динамика захвата политического тела «теневым террором», во многом схожая с динамикой распространения вируса, вынуждает нас пересмотреть наши представления о локальности и линейности/дискретности времени существования актуальных сущностей, о неизбежности отношений *внутреннего* и *внешнего*. Как пишет Бен Вудард, «микробная жизнь становится интериоризированной сетью, которая не останавливается, сталкиваясь со стремлением своих жертв выжить; она не медлит и не прерывается, но во имя самой жизни постоянно просачивается внутрь своих жертв» [17, с. 39]. С большой долей уверенности то же самое можно сказать и о «суховершинном» терроризме, интериоризирующемся в политическом теле. Модерная точка зрения, согласно которой установления якобы непреодолимого зазора между человеческим и нечеловеческим достаточно, чтобы самоизолироваться от воздействия нечеловеческих агентностей, ложна, поскольку «радикальная открытость иным формам жизни, будь то вирусным или нет, может начаться не с отношения открытости как таковой, но с ра-

² Подробнее о биотерроризме, биополитике и их философских основаниях см.: Такер Ю. Три текста о заражении: пер. с англ. Пермь : Гиле Пресс, 2020.

дикальной закрытости, которая может – парадоксально, путем собственной изоляции, – сделать себя мишенью для внешнего и тем самым открыться» [17, с. 39].

Какая эстетика? (вместо заключения)

Необходимым условием защиты от угрозы внутреннего распада как на уровне государства и общества, так и на уровне конкретного индивида является определение и воссоздание пространства их нормального функционирования, причем сама возможность такого определения и воссоздания остается сегодня под вопросом. Нужно заметить, что анализа работы «медицинской аналогии» на двух известных с античности уровнях – микроскопическом (тело живого индивида) и макроскопическом (политическое тело государства) – может быть недостаточно для решения этой задачи. Чтобы решить ее, мы должны расширить спектр ее непрерывного действия и прибавить к этим двум уровням еще как минимум два, а именно до-индивидуальный «квазимолекулярный» уровень (то есть уровень индивидуации, на котором действуют анонимные не-человеческие агентности, предсуществующие индивидуальному субъекту) и глобальный уровень (на котором действуют агентности, распределенность которых во времени и пространстве превышает таковую у всех актуальных сущностей, которые традиционно принято называть «человекообразными» – что-то вроде *гиперобъектов* Тимоти Мортон). В любом случае следует признать, что современная концепция пространства и времени (в том числе ее предельное выражение в трансцендентализме И. Канта) со свойственными ей предположениями о локальности сущностей, линейном времени их существования и антропоцентризмом, которые стали препятствием на пути рассмотрения нечеловекообразных агентностей, ограничена в возможностях прогнозирования и борьбы с ними. Для того чтобы ответить современным угрозам, мы должны принять в качестве философского основания нашего видения реальности и взаимодействия с ней такую концепцию эстетизации, которая будет способна работать с нелокальными нечеловеческими агентами, способ существования которых нарушает привычные представления о внутреннем и внешнем, о линейности и дискретности.

Список литературы

1. Harman G. Brief SR/OOO tutorial // Object-Oriented Philosophy (Graham Harman's blog). – URL: <https://doctorzamalek2.wordpress.com/2010/07/23/brief-sroooo-tutorial/> (accessed 6 October 2020).
2. Мортон Т. Гиперобъекты. Философия и экология после конца мира / пер. с англ. В. Абраменко. – Пермь: Гиле Пресс, 2019. – 284 с.
3. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведовой. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. – 196 с.
4. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках // Иммануил Кант. – М.: Наука, 2001–2006. Т. 2: Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой. – М., 2006. – 1081 с.
5. Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Т. I. «Трактаты и статьи» (1784–1796). Подготовлен к изданию Н. Мотрошиловой (Москва) и Б. Тушлингом (Марбург) / АО «Ками». – М., 1993. – С. 127–147.
6. Шавиро С. Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делёз и эстетика / пер. с англ. О.С. Мышкина. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 210 с.
7. Harman G. Naiveté // Object-Oriented Philosophy (Graham Harman's blog). – URL: <https://doctorzamalek2.wordpress.com/2010/01/08/naivete/> (accessed 6 October 2020).

8. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозова и О. Мышкина. – Пермь: Гиле Пресс, 2015. – 152 с.
9. Willatt E. Philosophical Naiveté (Edwar Willatt's blog). – URL: <https://doctorzamalek2.wordpress.com/2010/07/23/brief-srooo-tutorial/> (accessed 6 October 2020).
10. Мортон Т. Род человеческий: солидарность с нечеловеческим сообществом // Логос. – 2019. – Т. 29, № 5. – С. 57–70.
11. Делёз Ж. Кино / пер. с фр. Б. Скуратова. – М.: Ад Маргинем, 2004. – 622 с.
12. Whitehead, Alfred North (1920). *The Concept of Nature*. – Amherst, New York: Prometheus Books, 2004.
13. Negarestani R. The Militarization of Peace: Absence of Terror or Terror of Absence? // *Collapse Volume I. Numerical Materialism*. – Dec 2012. – P. 53–92.
14. Платон. Государство / пер. с др.-греч. А. Егунова // *Собрание сочинений в 4 т. Т. 3*. – М.: Мысль, 1994. – С. 79–420.
15. Платон. Тимей / пер. с с др.-греч. С. Аверинцева // *Собрание сочинений в 4 т. Т. 3*. – С. 421–500.
16. Такер Ю. Три текста о заражении: пер. с англ. – Пермь: Гиле Пресс, 2020. – 132 с.
17. Вудард Б. Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни / пер. с англ. Д. Хамис. – Пермь: Гиле Пресс, 2016. – 125 с.

References

1. Harman G. Brief SR/OOO tutorial. Object-Oriented Philosophy (Graham Harman's blog), available at: <https://doctorzamalek2.wordpress.com/2010/07/23/brief-srooo-tutorial/> (accessed 6 October 2020).
2. Morton T. Giperob"ekty: Filosofii i ekologiya posle kontsa mira [Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World]. Perm', Hyle Press, 2019, 284 p.
3. Meillassoux Q. Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti [After Finitude: An Essay On The Necessity Of Contingency]. Ekaterinburg; Moscow, Kabinetnyi uchenyi, 2015, 196 p.
4. Kant I. Sochineniia na nemetskom i russkom iazykakh [Works in German and Russian]. Eds. B. Bushling, N. Motroshilova. Moscow, Nauka, voi. 2, 2006, 1081 p.
5. Kant I. Otvet na vopros: chto takoe prosveshchenie? [Answer to the Question: What is Enlightenment?]. Vol. 1. Traktaty i stat'i (1784–1796). Moscow, Izdatel'skaia Firma AO «Kamī», 1993, pp. 127–147.
6. Shaviro S. Vne kriteriev: Kant, Uaitkhed, Delèz i estetika [Without Criteria: Kant, Whitehead, Deleuze and Aesthetics]. Perm', Hyle Press, 2018, 210 p.
7. Harman G. Naiveté. Object-Oriented Philosophy (Graham Harman's blog), available at: <https://doctorzamalek2.wordpress.com/2010/01/08/naivete/> (accessed 6 October 2020).
8. Harman G. Chetveroiki ob"ekt [The Quadruple Object]. Perm', Hyle Press, 2015, 152 p.
9. Willatt E. Philosophical Naiveté (Edwar Willatt's blog), available at: <https://doctorzamalek2.wordpress.com/2010/07/23/brief-srooo-tutorial/> (accessed 6 October 2020).
10. Morton T. Rod chelovecheskii: solidarnost' s nechelovecheskim soobshchestvom [Humankind: Solidarity with Non-Human People]. *Logos*, vol. 29, no. 5, 2019, pp. 57–70.
11. Delez Zh. Kino [Cinema]. Moscow, Ad Marginem, 2004, 622 p.
12. Whitehead A. N. The Concept of Nature. Amherst, New York, Prometheus Books, 1920/2004.
13. Negarestani R. The Militarization of Peace: Absence of Terror or Terror of Absence? *Collapse*. Vol. I. Numerical Materialism. Dec 2012. pp. 53–92.
14. Platon. Gosudarstvo [State]. *Sobranie sochinenii*. Moscow, Mysl', 1994, vol. 3, pp. 79–420.
15. Platon. Timei [Timaeus]. *Sobranie sochinenii*. Vol. 3, pp. 421–500.
16. Taker Iu. Tri teksta o zarazhenii [Three Texts on Infection]. Perm', Hyle Press, 2020, 132 p.
17. Vudard B. Dinamika slizi. Zarozhdenie, mutatsiia i polzuchest' zhizni [Slime Dynamics]. Perm', Hyle Press, 2016, 125 p.